

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
**КОММЕНТАРИЙ К ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ**

(Постатейный)

Материал подготовлен с использованием правовых актов
по состоянию на 1 января 2004 года

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора
Т.Е. АБОВОЙ,
доктора юридических наук, профессора
М.М. БОГУСЛАВСКОГО,
доктора юридических наук
А.Г. СВЕТЛАНОВА

Авторский коллектив:

Абова Тамара Евгеньевна, д-р юрид. наук - [ст. 1177](#);

Банковский Антон Владимирович, канд. юрид. наук - [ст. 1219 - 1221](#);

Бардина Мария Петровна, канд. юрид. наук - [ст. 1211](#) (совместно с И.С. Зыкиным и Е.В. Кабатовой); [ст. 1215, 1222](#);

Богуславский Марк Моисеевич, д-р юрид. наук - [ст. 1189, 1190, 1194, ст. 1211](#) (совместно с И.С. Зыкиным, М.П. Бардиной и Е.В. Кабатовой); [ст. 1214](#) (совместно с С.И. Крупко);

Вельяминов Георгий Михайлович, д-р юрид. наук - [ст. 1186](#) (совместно с И.С. Зыкиным);

Воробьева Ольга Владимировна, канд. юрид. наук - [ст. 1195, 1199, 1200](#);

Зыкин Иван Семенович, д-р юрид. наук - [ст. 1186](#) (совместно с Г.М. Вельяминовым); [ст. 1208, 1209; ст. 1211](#) (совместно с М.М. Богуславским, М.П. Бардиной и Е.В. Кабатовой); [ст. 1216](#);

Кабатова Елена Витальевна, канд. юрид. наук - [ст. 1192, 1193, 1210; ст. 1211](#) (совместно с М.М. Богуславским, И.С. Зыкиным и М.П. Бардиной);

Касенова Мадина Балташевна, канд. юрид. наук - [ст. 1224](#);

Крупко Светлана Игоревна, канд. юрид. наук - [ст. 1196, 1197; ст. 1214](#) (совместно с М.М. Богуславским);

Макарова Елена Александровна, канд. юрид. наук - [ст. 1130 - 1140, 1171 - 1173](#);

Монастырский Юрий Эдуардович, канд. юрид. наук - [ст. 1217, 1218, 1223](#);

Ошноков Алим Николаевич, канд. юрид. наук - [ст. 1212](#);

Рубанов Август Афанасьевич, д-р юрид. наук - [ст. 1110 - 1112, 1151](#);

Савранский Михаил Юрьевич, канд. юрид. наук - [ст. 1201](#);

Санникова Лариса Владимировна, канд. юрид. наук - [ст. 1115 - 1117, 1118 - 1129](#);

Светланов Андрей Геннадьевич, д-р юрид. наук - [ст. 1188, 1205, 1206](#);

Супатаев Тимур Муратович - [ст. 1207](#);

Телюкина Марина Викторовна, канд. юрид. наук - [ст. 1164 - 1169](#);

Тиллинг Екатерина Михайловна - [ст. 1198](#);

Тимохов Юрий Алексеевич, канд. юрид. наук - [ст. 1187, 1191, 1213](#);

Устюкова Валентина Владимировна, д-р юрид. наук - [ст. 1179, 1181, 1182](#) (совместно с Ю.С. Харитоновой);

Харитонова Юлия Сергеевна, канд. юрид. наук - [ст. 1141 - 1150, 1174 - 1176, 1178, 1180, 1183 - 1185](#); [ст. 1179, 1181, 1182](#) (совместно с В.В. Устюковой);

Чепига Тамара Дмитриевна, канд. юрид. наук - [ст. 1113, 1114, 1152 - 1163, 1170](#);

Шамсиев Холикберди Рахимович, канд. юрид. наук - [ст. 1202 - 1204](#).

Статья 1217. Право, подлежащее применению к обязательствам, возникающим из односторонних сделок

Комментарий к [статье 1217](#)

1. Односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны (п. 2 [ст. 154](#) ГК).

Ранее коллизийная концепция регулирования односторонних сделок, по-видимому, основывалась на узком понимании данной правовой категории. Основы гражданского законодательства 1961 г. (ст. 126) и 1991 г. (ч. 2 [ст. 165](#)) содержали привязку к месту совершения всех сделок - односторонних и двусторонних, как самостоятельных юридических фактов. Из первых наиболее распространенной могла считаться, например, выдача векселя или гарантии.

Между тем многообразие сделок связано с различными юридическими действиями субъектов, совершаемыми в ходе исполнения ими договорных или деликтных обязательств. Принятие исполнения, предложение оферты, внесудебное расторжение договора и т.п. - сделки, играющие большую роль в установлении разнообразных, не всегда заранее обусловленных сторонами правоотношений. Их важная особенность заключается в подчиненном, производном положении к таким действиям, как заключение договора или причинение вреда.

Поэтому, как мы видим, развитие законодательства выразилось в предусмотрении более гибкой конструкции формулы прикрепления, используемой как для самостоятельных, так и для подчиненных сделок. Отдельным положением регулируются вопросы самой важной односторонней сделки, совершаемой путем делегирования полномочия на совершение юридических действий (выдачи доверенности).

В МЧП многих государств (Египет, Италия, Куба, Монголия, Уругвай и т.д.) применяется простая и легкая в использовании привязка к закону места совершения сделки. В самом деле,

правовая система страны, на территории которой должник обязывается по сделкам, самым непосредственным образом связана с такими сделками. Ее законы представляются доступными и легко определяемыми как кредитором, так и должником по сделке. К примеру, такая важная сделка, как выдача векселя, регулируется в вопросах о сроках на предъявление иска в порядке регресса и о том, приобретает ли держатель переводного векселя право требования, на основании которого выдан документ, законом места его составления (ст. 5 и 6 Женевской конвенции 1930 г.).

Однако в современном мире Интернета и сотовых телефонов, в условиях новой экономической среды и мобильности субъектов правоотношений привязка к месту совершения сделки не есть оптимальное решение. Лица, как компании, так и граждане, часто совершают юридические действия вне места своей привычной деятельности и за пределами регулирующего воздействия знакомой им правовой системы. Односторонние сделки также могут совершаться на "ничейной" территории.

Не всегда ясно, где сделка состоялась. Например, продавец уведомляет покупателя о расторжении договора. Локализация возникающего правоотношения с помощью критерия *locus regit actum* может представляться затруднительной, если информация об этом отправлена из места случайного нахождения руководителя организации по электронной почте при помощи переносного компьютера.

Поэтому более рациональной является привязка к месту жительства для физических лиц и месту основной деятельности для юридических лиц. Такое решение воспринято законами Лихтенштейна, Португалии, Югославии, Турции и других стран, в которых законодательные акты МЧП принимались в целом позднее. В большинстве случаев соответствующее законодательство ближе, достоверней, понятней и определенней, чем право непосредственного места совершения сделки. Для этого кредиторам нужно обращать внимание не на указание места действия, а на нормы страны осуществления должником основных предпринимательских операций, которая, какие бы неординарные примеры ни приводились, почти всегда одна. Даже в особом случае офшорных компаний, которым запрещено вести деятельность в месте регистрации, основное место деятельности легко доказывается.

В ч. 1 комментируемой статьи выбор права сопровождается нехарактерной оговоркой "если иное не вытекает из закона, условий или существа сделки либо совокупности обстоятельств дела". Зачем понадобилось законодателю устанавливать изъятия из, казалось бы, понятного и логичного правила, данного в ч. 1? На наш взгляд, такое отступление от принципа действительно необходимо для производных и подчиненных сделок, происходящих в рамках исполнения или вследствие нарушения договорных обязательств.

Принятие исполнения альтернативного обязательства, в котором право выбора принадлежит кредитору, безусловно, меняет правоотношения сторон. Признание долга, продлевающее исковую защиту обязательства, - другой пример односторонних сделок. Но определять их юридические последствия нужно правом, которому подчинен договор, а не законодательством места преимущественного нахождения совершающего такую сделку лица.

Сама словесная формулировка оговорки нуждается в определенном комментарии. Под законом здесь должны пониматься акты коллизионного права, а не законы вообще, и прежде всего положения разд. VI ГК, в котором находится комментируемая статья, например устанавливающие особую привязку вследствие завещания недвижимого имущества (ст. 1224 ГК) и т.п. "Условия сделки" представляют собой, видимо, письменную регламентацию обязательств из такой сделки в тексте банковской гарантии и др. Данные положения по смыслу нормы могут приводить к применению права иного, чем место деятельности должника.

В связи с изложенным возникает важный вопрос: следует ли признавать силу за указанием в тексте сделки применимого права какой-либо страны или нет? Однозначный ответ дать трудно. Практика на сей счет будет сформирована не скоро. Наше мнение заключается в том, что подобное

определение права нельзя считать безоговорочно действительным, оно может приниматься лишь как фактор, довод, соображение или аргумент в пользу применения такого права. В дополнение к тому, что было сказано выше, можно добавить, что иное регулирующее законодательство должно не определяться условиями сделки, а вытекать из совокупности условий. Итак, то, что законодатель избрал глагол "вытекать", а не, скажем, "устанавливать", и существительное "условия" во множественном числе свидетельствует против вывода о правомерной возможности произвольно избирать какой-либо национальный закон.

Более того, односторонняя сделка, совершаемая в письменной форме, - это не договор, а указание места ее совершения, отличного от действительного, не может расцениваться как выражение общей воли сторон подчинить ее действию определенного правопорядка. [Часть 1](#) комментируемой статьи содержит не диспозитивную, а императивную норму, которой не могут пользоваться частные лица и устанавливать иное, чем это прямо указано, полномочие или правило определения применимого закона.

Важно отметить, что далее также говорится о важности "существа" сделки, т.е. о том, как она на самом деле должна исполняться, в чем ее экономическая цель и т.п. Зависимость от так называемой "совокупности обстоятельств дела" позволяет суду при возникновении спора после совершения сделки, осуществления субъективных прав, с ней связанных, учитывать всю совокупность фактов и перенести разрешение правовых вопросов под действие наиболее подходящего в данном случае национального правопорядка.

2. Законы многих стран (Армении, Узбекистана, Казахстана, Киргизии) устанавливают особую привязку срока действия доверенности к месту ее выдачи. Это правило имели Основы гражданского законодательства 1961 г. (ст. 126.1) и 1991 г. (п. 3 [ст. 165](#)). В соответствии с нововведениями [ГК](#) правоотношения, возникающие между доверителем и его представителем, должны регулироваться законами страны, где доверитель имеет место жительства либо центр своего коммерческого обзаведения (место основной деятельности). Но выдвигаются уже два важнейших условия выдачи доверенности, которые контрагенту, имеющему дело с поверенным, необходимо знать прежде всего и желательно без дополнительного выяснения того, какая из стран является все-таки местом основной деятельности доверителя, - это срок и режим отзыва доверенности. Без их знания контрагент будет сомневаться относительно того, связывают ли юридические действия поверенного его доверителя обязательствами перед этим контрагентом или нет. Понятно, что легко распознаваемым является место выдачи доверенности, так как оно всегда обозначено в тексте документа. Таким образом, если в доверенности указан город Нью-Йорк, то прецеденты данного штата должны регулировать примерно следующие вопросы:

- отзывной или нет данная доверенность является;

- если отзывной, то какова процедура отзыва: достаточно ли уведомления поверенного или требуется оповестить известных контрагентов;

- не закончился ли в силу закона срок доверенности, несмотря на указание в тексте доверенности, скажем, периода действия в 50 лет и т.д.

Статья 1218. Право, подлежащее применению к отношениям по уплате процентов

Комментарий к [статье 1218](#)

Комментируемая [статья](#) содержит императивное правило о подчинении вопросов о процентах по денежным обязательствам закону, регулиющему основное обязательство.

До принятия [части третьей](#) [ГК](#) в российском МЧП не было коллизионной нормы, отдельно посвященной процентам. Более того, в кодификационных актах других государств она нечасто встречается.

На первый взгляд, неочевидно понимание того, почему, несмотря на наличие коллизионных норм о праве, применимом к договорам, деликтам, односторонним сделкам и обязательствам вообще, законодатель ввел норму о процентах по денежным требованиям. Само собой разумеется, что правило о праве, помогающем определить размер задолженности и санкций, производно от норм, регулирующих также правоотношения в целом, и подчинять исчисление процентов праву иному, чем то, под действием которого возникает базовое обязательство, не вполне оправданно, более того, вряд ли практично и правильно.

Вместе с тем законодатель счел нужным отдельно сказать, что "основания взимания, порядок исчисления и размер процентов" определяются правом, свойственным основному обязательству.

Представляется, что комментируемая [статья](#) важна для понимания того, как следует производить исчисления, когда валюта долга выражена в иностранной денежной единице, а валюта платежа является национальным платежным средством. В этой связи необходимо произвести подсчет процентов, например, ввиду имевшей место просрочки исполнения. При поверхностно кажущейся несложности, вариантов такого подсчета может быть несколько. Сумма долга может переводиться в местную валюту и на полученную величину начисляться процент либо условная конвертация может осуществляться после прибавления суммы процентов в валюте долга. Национальный закон вправе предписать использование среднебанковского процента либо ставки рефинансирования банка. Далее величина процента может быть получена и взыскана на дату предъявления иска, дату исполнения, дату вынесения решения суда. Все эти вопросы возможно и иногда удобнее разрешать правом места исполнения обязательства, а не правом, нормирующим отношения по договору. Однако в силу комментируемой [статьи](#) они должны определяться правом, регулирующим параметры основного обязательства.

Как мы уже упомянули, законодатель пошел по пути установления ограниченного списка вопросов о процентах, которые должны решаться правом, применимым к основному обязательству. Вместе с тем за пределами перечня остаются другие вопросы, например способ выплаты процентов (вместе с основным долгом или отдельно от него и т.п.). Мы полагаем, что законодательство места выплаты лучше подходит для установления порядка исполнения обязательства по выплате процентов, так как, скорее всего, оно имеет источником развития свою банковскую деловую практику.

Вместе с тем комментируемая [статья](#) ничего не говорит о такой важной составляющей юридической проблемы процентов, как их правовая природа. В нашей литературе подробно изложено, что проценты могут восприниматься как неустойка за неисполнение, как разновидность убытков, как плата за пользование таким самоприрастающим активом, как деньги, как особое обязательство. В зависимости от такого определения учитываются при исчислении: срок действия непреодолимой силы (в первых двух случаях исчисление прерывается, в третьем - не приостанавливается); имело ли место правонарушение должника или вина кредитора или нет; как соотносится с процентами в силу закона неустойка, выраженная в процентах по договору.

В свете сказанного было бы правильно давать термину "основания взимания" наиболее широкое толкование и считать, что правовая природа процентов по денежным обязательствам должна охватываться этим понятием. В узком смысле основания взимания означают непосредственный повод для требования по процентам, т.е. либо правонарушение, либо предоставление в силу закона или договора. Это некий юридический состав, позволяющий использовать материальную норму о процентах. Считаем допустимым исходить из распространительного толкования юридической категории "основание", включающей в себя не только обстоятельства (действия, факты), но и их детальную юридическую оценку на основе норм, их официального толкования в стране применимого права. Для такого понимания должна с необходимостью учитываться юридическая природа процентов.

Для анализа комментируемой [статьи](#) важным и определяющим представляется значение доктринального принципа о том, что понятия, содержащиеся в коллизионной норме, могут иметь

разные значения и в этом смысле быть шире, чем термины материальных норм, по смыслу. Так, коллизионная норма всегда должна быть предназначена для регулирования большей разновидности случаев, в том числе когда она взаимодействует с рядом материальных норм различных правовых систем. То, что конфликтные нормы имеют более общее значение, видно из содержания статей [разд. VI ГК](#). Юридическая терминология коллизионных норм сведена в такие общие категории, как имущественные отношения, вещные права ([ст. 1205 - 1207 ГК](#)), договор ([ст. 1210 - 1215 ГК](#)), обязательства (п. 2 [ст. 1202](#), п. 2 [ст. 1216 ГК](#) и др.). Ввиду вышесказанного, на наш взгляд, и правовое понятие процента должно быть максимально широким. Мы склонны полагать, что в силу особенности и роли коллизионных норм термин "проценты" должен охватывать и случаи возложения санкций за правонарушение по закону, и проценты за пользование коммерческим кредитом, а также любую разновидность договорных процентов.

Статья 1223. Право, подлежащее применению к обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения

Комментарий к [статье 1223](#)

1. [Статья 168](#) Основ гражданского законодательства устанавливала общую применимость закона места обогащения.

В новом законодательстве введено разделение [статьи](#) на два пункта, в чем находит отражение то, что институт неосновательного обогащения служит урегулированию двух разновидностей случаев.

Первая - это различные вариации получения имущества вследствие ошибки или недоразумения от лица, с которым у обогатившегося не было или не могло быть контактов и взаимоотношений. Ошибочное перечисление денег, отсылка вещей не тем адресатам - это разные виды так называемого аномального или случайного неосновательного обогащения, где само такое действие - главный и зачастую единственный юридический факт в отношениях сторон. В большинстве случаев здесь право места неосновательного обогащения должно быть известно и должнику, и кредитору. Поэтому в [п. 1](#) комментируемой статьи устанавливается привязка к месту обогащения. Она также содержится в соответствующих законах Венгрии, Кубы, Латвии, Литвы, Перу.

Под местом обогащения, видимо, нужно понимать место, где должник вступил во владение и фактическое обладание имуществом, в том числе через лицо, считающееся представителем (например, перевозчик, агент, экспедитор). Это может быть место его банковского счета, место нахождения вещей в момент их получения, место основной деятельности должника, приобретшего неосновательно право требования. В случае сбережения - это место нахождения соответствующего имущества. Таким образом, мы полагаем, что местом обогащения должна являться территория, где имущество, приобретенное или сбереженное впервые (т.е. независимо от последующих действий), становится реальным активом должника, т.е. де-факто становится или остается его имуществом.

Во многих ситуациях это место, откуда обогатившийся может непосредственно осуществить передачу имущества третьему лицу по правовому основанию и фактически или где имущество, определяемое родовыми признаками, смешивается с имуществом должника. Отметим, что в фактическую возможность распоряжаться в качестве условия входит знание должника о передаче ему имущества.

Вместе с тем в ряде таких стран, как Польша, Тунис, Египет, Таиланд и др., принят критерий места действия, приведшего к неосновательному обогащению.

Обычно так называемое аномальное обогащение связано с вопросом о размере требований, а не об удовлетворении требования вообще. Величина долга, а не справедливость имущественного

притязания, чаще является предметом спора, так как она определяется в зависимости от таких факторов, как умысел обогатившегося, добросовестность сторон, плодородность имущества и т.п. Ввиду сказанного, в п. 1 комментируемой статьи введено такое необычное положение, что стороны могут альтернативно избрать право суда, которое будет регулировать их разногласия. Это даст возможность органу, разрешающему дело, упростить и ускорить калькуляцию требований, хотя известно, что в состоянии спора истцу очень трудно договориться с защищающимся ответчиком о каком-то облегчении и упрощении процедуры и алгоритма разрешения спора. Таким образом, можно говорить об ограниченно диспозитивной норме в абз. 2 п. 1, так как сторонам дано право избрать только один определенный регулирующий их отношения правопорядок.

2. Более распространенным случаем неосновательного обогащения является нарушение принципа эквивалентности вследствие недоразумения, действий, прерывающих исполнение обязательств из-за допущенных правонарушений, и т.п. Разбор таких казусов обогащений лучше подчинить праву, регулирующему правоотношения сторон, а если они не возникли, но имелись в виду, тогда праву, которое оказалось бы применимым в соответствии с коллизионными нормами ГК к взаимным правам и обязанностям сторон. Такая привязка вполне соответствует назначению материальных норм о неосновательном обогащении в отечественном ГК (гл. 60). Данный институт является универсальным средством правовой защиты и в договорных взаимоотношениях, и в случаях деликтов, и при недействительности сделок и т.п. Для удовлетворения судом требования достаточно указать на неосновательное имущественное приобретение на стороне должника как таковое, если речь идет об основной сумме. При этом ни правонарушение, ни причинную связь, ни вину доказывать не нужно. Для выравнивания имущественного баланса участников правоотношений привязка к месту обогащения может быть неадекватной, сторонней и никак не свойственной отношениям их участников. Когда, например, заключен договор, подпадающий под действие конкретной правовой системы, имевшейся в виду контрагентами, в связи с которым произошло имущественное приобретение сверх должного, то место обогащения не должно играть никакой роли в правовой интерпретации того, что в результате причитается так называемой потерпевшей стороне. Такое право может быть непригодным для рационального улаживания разногласий, так как в большинстве случаев иное право имелось в виду сторонами в неведении того, что возникшее правоотношение окажется неполноценным для использования иного, чем претензия из неосновательного обогащения, средства правовой защиты: требований об убытках, исполнении в натуре, выплате зачетной неустойки и т.п.